

Помолились.

(Разсказъ изъ тунгусской жизни).

I.

Тайга дремала. Сумерки сгущались; тусклѣлъ закатъ, кой-гдѣ мерцали звѣзды. Двѣ семьи тунгусовъ пробирались тайгой къ торговому селу Хватову, затерявшемуся въ безкрайномъ лѣсу, на берегу большой сѣверной рѣки. Не время теперь бродить тунгусамъ: вонъ какой морозище стоитъ, дышать нечѣмъ. Но и старикъ Гирманча, и молодой Чумго обѣтъ положили снести въ церковь „прикладъ“: по двѣ сохатинныхъ ¹⁾ и по одной оленьей кожи.

И это бы ничего, и съ этимъ можно было бы повременить: не все ли равно—висѣли-бы да висѣли жертвенныя кожи возлѣ чума на высокихъ шестахъ, увѣчаннахъ крестами. Добрый духъ давно унесъ Богу ихъ молитвы, туда, въ „свѣтлый день“, и Богъ, конечно, знаетъ, кѣмъ та жертва принесена.

Нѣтъ, не эта причина ихъ пути въ студеную пору: послѣзавтра въ церкви долженъ народиться большой русскій Богъ, то-ли Никола-угодникъ, то-ли Иннокентій-батюшка. Имъ это сказали купцы Харлашка да Петрунька, привозившіе въ тайгу, еще лѣтомъ, вино и товары. Плуты купцы, не дай Богъ, какіе оба плуты. Начисто ихъ обобрали, всю пушнину себѣ взяли, оленей сколько-то. А что дали взамѣнъ?.. Мошенники.

Но когда они стали звать тунгусовъ къ себѣ въ гости и говорить о томъ, что у нихъ зимой въ церкви Богъ родится, что попъ Ванька пріѣдетъ, что огни зажгутъ въ церкви и будетъ тамъ ночью свѣтло, какъ днемъ при солнышкѣ, что попъ будетъ пѣть молитвы, а народъ подпѣвать разными голосами, они повѣрили и обѣщали придти. Да

¹⁾ Сохатый—лось.

какъ не повѣрить? Говорятъ купцы, а на глазахъ слезы. Просили бѣлки тащить больше: цѣны хорошія установятся. Вотъ какъ просили, борони Богъ, какъ просили, много-много рассказывали, какъ прекрасно будетъ въ церкви. Во всѣ колокола стануть звонить.

Вѣдь вотъ мошенники, плуты, а говорятъ — слезы на глазахъ. Все-таки народъ добрый, значить.

Какъ не добрый, извѣстное дѣло—добрый. Ну-ка кто бы потащилъ имъ въ тайгу вино, это за пятьсотъ-то верстъ?

А теперь у нихъ маленько муки, слава Богу, есть, и кой-какое сукнишко, и порохъ, и дробь. А не будь всего этого, что бы тогда? А? Вотъ то-то же...

Правда, что денегъ купцы имъ не дали, пушнины у нихъ не стало и на цѣлый десятокъ оленей уменьшилось. За то недѣлю пили, каждый день пьяные были, напившись, дрались и таскали другъ друга за косы. А олени или пушнина—что жъ? Богъ дастъ опять. У него, у батюшки, этого добра сколько хочешь. Только попросить его хорошенько, „прикладъ“ пообѣщать да шайтана, „звѣринаго хозяина“, умиловить: саломъ губы смазать да у огня поводить его—и все это будетъ... Ха!.. Не первый разъ.

Оно такъ и вышло. Пушнины осенью добыли много. И не „подпалъ“ какая-нибудь, а первый сортъ, какъ на подборъ бѣлочки, одна другой лучше.

* * *

Зимой, когда столбы заходили по небу, а снѣгъ лежалъ въ тайгѣ толстымъ слоемъ, долго совѣтовались въ чумахъ, идти-ли.

— Однако, пойдемъ,—наконецъ, сказалъ Гирманча.

— Какъ не пойдемъ... Пойдемъ,—подтвердилъ Чумго.

Купцы оставили имъ „рубешку“, такую палочку, на струганной грани которой зарубками и крестиками были обозначены дни.

— Сколько ньюльговъ ¹⁾ считаешь до села? — спросили купцы.

— Дюръ-дяръ... Двасать...

— Срѣзай каждый день по зарубѣ. До этой дойдешь—въ путь собирайся... Вокуратъ къ празднику попадешь... Понялъ?..

¹⁾ Переходы дневные на оленяхъ.

— Какъ не поняла... Помаленьку поняла... Помаленьку... — оба, старикъ и молодой, отвѣтили тонкими голосами.

И вотъ теперь они съ большимъ караваномъ оленей кончаютъ девятнадцатую нюлгу.

Когда запылалъ „гуливунъ“ — огромный изъ наваленныхъ сухихъ листовенницъ костеръ, — мужики усѣлись прямо на снѣгу, возлѣ огня и, покуривая трубки, опять стали толковать о томъ, что дѣлать дальше.

Бабы разсѣдывали оленей, тараторили о чемъ-то безъ умолку, смѣясь и шутливо перебраниваясь другъ съ другомъ.

Мужики рѣшили: завтра пораньше надо налегкѣ идти въ село; Анна останется съ оленями здѣсь, всѣхъ оленей дальше гнать нельзя: нѣтъ корму.

Аннѣ было всего двѣнадцать лѣтъ, и когда она узнала, что ее не возьмутъ съ собою, стала кричать и плакать. Она не боялась остаться въ тайгѣ, что ей тайга? Хотѣлось ей погулять въ селѣ, побывать въ церкви и поглядѣть, какъ попъ машетъ кадиломъ, и какъ горятъ предъ образами свѣчи. И когда мать начинаетъ ее уговаривать, она еще шибче кричитъ, истерически плачетъ и издали плюетъ вѣтому, по направленію къ матери. Та ближе подходитъ къ ней и скороговоркой что-то угрожающе бормочетъ, а дѣвочка, взвизгнувъ и отбѣгая прочь, снова плюетъ, срысываетъ по пути хвою и съ сердцемъ кидаетъ въ мать.

Мать останавливается, шипитъ въ отвѣтъ и, растягивая слова, бросаетъ:

— Га-а-а-дина...

Дѣвочка видитъ глаза и лицо матери и чувствуетъ, что нѣтъ въ нихъ злобы, что мать только притворяется злой, а сердцемъ жалветъ ее, Анну, маленькую, любимую свою дочь. И чуя это, Анна еще сильнѣй воетъ и визжитъ, и подступаетъ къ матери, и старается визжать какъ можно жалобнѣй, чтобъ тронуть мать. Но та непреклонна.

Опять среди тунгусской рѣчи слышится русское:

— Га-а-дина.

Анна еще разъ, теперь сердито, плюетъ и во всю силу звонко кричитъ серебрянымъ голосомъ, но тутъ отъ костра раздается грозное:

— Цыць!

И сразу все смолкло. Тихимъ эхо робко плаваютъ въ воздухѣ ребячьи всхлипыванія, но и онѣ скоро стихаютъ.

*
*
*

Ночь пришла. Небо чернѣло надъ чумомъ.

Золотныя звѣзды дрожали въ вышинѣ.

Костеръ потухалъ. Собаки лѣзли къ самымъ углямъ, свертывались клубкомъ и засыпали. Кругомъ бродили олени, отыскивая мохъ, или, утонувъ въ пушистомъ снѣгу, лежали смиренно и пережевывали жвачку.

Анна долго не могла заснуть, а потомъ, среди ночи, вдругъ ее будятъ. Проснулась. Шепчетъ кто-то:

— Анна... Слышишь, Анна... Я — Богъ... Я — русскій Богъ...

Дрожить, а слушать хочется...

Страшно, а такъ и слушаль-бы:

— Говори,—шепчетъ Анна.

— Ты не бойся... Ты не бойся, Анна... Гляди, сколько цвѣтовъ... Я пригону къ тебѣ всѣхъ бѣлочекъ, какія только есть на свѣтѣ... Къ тебѣ слетятся всякія птицы, красныя и желтыя, и будутъ пѣть пѣсенки... Я люблю тебя, Анна, моя дѣвочка...

Видитъ: свѣтъ льется откуда-то сверху, и весь чумъ въ цвѣтахъ. Тянетъ тоненькую ручку, срываетъ одинъ, другой, третій...

— А ты меня любишь, Анна?

— Я боюсь тебя, дядюшка...

А свѣтъ все ближе, ближе, и на сердце такая робость слетѣла вдругъ, что дѣвочкѣ захотѣлось плакать. И опять кто-то тормошитъ ее и говоритъ сердито:

— Анна, эй, Анна!..

Просыпается. Отецъ сидитъ надъ ней, что-то приказываетъ. Въ чумѣ холодъ и мракъ, лишь угольки блестятъ золотомъ. Она смотритъ на отца и, сердито отвернувшись, плотнѣй укутывается въ парку ¹⁾. Когда проснулась, солнце высоко стояло, а чумъ былъ пустъ. Вздохнула Анна и стала разводить огонь.

II.

Въ село пришли еще засвѣтло на десяти оленяхъ. Да-

¹⁾ Зимняя женская одежда изъ сохатинаго мѣха.

леко-ль тутъ? Одна нюльга, да и та корыстна-ли. Версть пятнадцать, больше не будетъ.

Ихъ было шестеро: два мужика, двѣ бабы да двое дѣтей—парень съ дѣвкой. Опять, подъ самымъ селомъ, чумъ раскинули. Въ немъ остались бабы съ ребятами, а мужики пошли къ своему „дружку“, купцу Харлашкѣ, который ихъ звалъ. Шли они напрямикомъ, перелѣзали огороды и заходили въ чужіе дворы, держась прямо на бѣлую узорчатую трубу,—такъ лучше: подъ трубой, на горѣ, Харлашкинъ домъ, а по улицѣ идти—долго-ль заблудиться. Тутъ не тайга, борони Богъ...

Въ одномъ дворѣ они наткнулись на мужика: лошадей поилъ:

— А-а-а...—изумленно протянулъ онъ и заулыбался всѣмъ лохматымъ лицомъ.

— Здорово, дружки... Откуда Богъ принесъ?

— Дорово, другъ, дорово... Тамъ... Тайгамъ бѣгаль.

— Къ праздничку пришли?

— Праздникъ... Микола-батюшкѣ...

— Какой Микола... Микола прошелъ... Христово рождество завтра...

— То-ли Микола, то-ли Рождество... Почему знать... Мы тайгамъ гулять... Да-а-лѣ-е-ко...

Въ избу потащилъ.

— Мы къ Харлашкѣ...

— Нѣту его, въ волость убѣжалъ...

— Ей Богъ?

— Ей Богъ.

Дверь захлопнулась, а затѣмъ, черезъ минуту, мужикъ безъ шапки, въ одной рубахѣ, вылетѣлъ на морозъ, побѣжалъ въ пригонъ, и оттуда раздался его призывной крикъ:

— Матре-о-на... Э-е-й... Бѣги скоряя: орда-а-а пришла... Бѣги-бѣги!..

Черезъ полчаса все село знало, что пришли тунгусы, и самъ Харлашка, торопливо застегивая на ходу лисій бешметъ, сѣвшиль въ домъ лохматаго мужика. Тамъ раздались вдругъ крики и ругань, потомъ вышли безъ шапокъ, пошатываясь, тунгусы, за ними кунецъ. Онъ ругалъ мужика и тунгусовъ, что не къ нему первому пришли съ пушниной.

А тѣ, съ виноватымъ и испуганнымъ видомъ, вразъ говорили:

— Мой не надо виновать... Русакъ ругай... пошто вралъ, пошто путалъ... Какъ нѣту? Есть...

А купецъ, на ходу выхвативъ у растерявшихся тунгусовъ связку баранокъ, замахивался ими на стоящаго въ дверяхъ мужика и, шлепая губами, зычно ревѣлъ:

— Нѣтъ, тебѣ кренделямъ-то этимъ по башкѣ... Мои дружки... Стерррва! а не твои... Поэтому не смѣй...—и быстро удалялся, увлекая попавшихся ему инородцевъ.

Тотъ въ отвѣтъ всѣхъ лаялъ вдогонку тенористымъ крикомъ, и долго еще въ воздухѣ звенѣлъ его голосъ:

— Грабитель!.. Кровопивецъ!.. Нѣтъ, врешь... Я тебѣ покажу!..

„Покажу, покажу, покажу!“—носилося въ деревнѣ, пока лохматая голова не исчезла въ избѣ: мужикъ пошелъ считать барыши.

III.

Тунгусы раза три бѣгали въ чумъ за пушниной, били тамъ бабъ и тащили все къ купцамъ: и лисицъ, и бѣлокъ, и сохатину. Они были выпивши, но много пить воздерживались, поджидая праздника, чтобъ поблагодарить Бога за промыселъ, а потомъ начать гулянку.

Ужъ перевалило за полночь, когда ихъ, измученныхъ, утащилъ къ себѣ чуть не силой торговый человекъ „Большой голова“. Онъ злой былъ, ругался съ купцами пуще всѣхъ. Злой, а таки тунгусовъ защищалъ: обзывалъ торговыхъ мошенниками и еще такъ ругалъ, что никогда и не выговоришь. Охъ, какой злой!..

Привелъ и дома заоралъ на свою бабу, на чужую бабу, на приказчика, на всѣхъ заоралъ:

— Живо!.. Чобы живо... Лови-бери-подхватывай!.. Вина, чаю, щей...

Купецъ, дай Богъ, ласковый сдѣлался. Усадилъ, по головѣ гладить, чуть не цѣлуетъ тунгусовъ. А тѣхъ торговыхъ и Харлашку съ Петрунькой, и лохматаго мужика, все ругаетъ разными словами.

Тунгусы сидятъ, улыбаются; самоваръ притащили, мяса притащили, вина притащили. Вотъ это хорошо. Тепло въ избѣ, и хозяинъ сталъ добрый, смѣется, по головѣ гладить, цѣловаться лѣзетъ. Вотъ это ладно...

Тунгусы распоясались: жарко, чай пьютъ, улыбаются, потомъ говорятъ:

— Когда праздникъ-батюшка? Когда колоколь стануть бухать?

— Да скоро: вотъ часокъ, другой и ударятъ...

Разспрашиваетъ ихъ купецъ про бѣлокъ, хорошъ-ли промыселъ былъ, про оленей, про семью, всѣ-ли здоровы. Голосъ у купца ласковый, глаза ласковые, но въ глубинѣ ихъ блеститъ что-то злое, никакъ не можетъ скрыть того, что таится въ сердцѣ.

Тунгусы слушаютъ, отвѣчаютъ, жалуются на тяжелую жизнь.

И опять:

— Когда праздникъ-батюшка?.. Чего колоколь молчить? Умеръ, что-ли?..

Близокъ разсвѣтъ; купцу медлить нельзя. И онъ приступаетъ къ дѣлу.

— Бѣлки-то много у васъ осталось?

— Како осталось... Все тащилъ... Все кончалъ... Нѣту...

Лицо у купца налилось вдругъ кровью, и выкатилась ласковость изъ рѣчей и изъ глазъ.

— Сколько денегъ?.. Сколько грабители чистыхъ денегъ вамъ отсчитали?!

— А вотъ смотри... Почему знать... Много...

Видитъ купецъ—семьдесятъ рублей.

— Только-то?

Смекнулъ:

— Вотъ два креста у меня есть, золотые; ну-ка покупайте...

— Пошто крестъ... Намъ не надо крестъ... Есть крестъ: видишь, поди.

На груди у тунгусовъ были огромные, на толстыхъ цѣпяхъ, серебряные кресты.

— Тоись, какъ не надо?—спросилъ угрожающе купецъ.— Тоись, какъ такъ?.. А?..—и поднялся...

— У насъ, другъ, есть крестъ...

— Тоись—какъ есть... Эти-то? Да васъ кто крестилъ?

— Мишка, приказчикъ Валькинъ... Маленько..

— Попъ чей?..

— Нѣтъ попъ... Мишка, приказчикъ...

— Дураки!.. Еще какіе дураки-то!..

Торговый секунду подумалъ и заоралъ:

— Степанъ!.. Живо прорубь долби въ рѣкѣ: орду крестить по своему, по настоящему, будемъ... Ха!.. Ха!..

Одно зло въ глазахъ купца осталось, багровый стоить, кулаки сжалъ...

Приказчикъ смотритъ, недоумѣваетъ, но, поймавъ въ лицѣ хозяина нужное, бѣжитъ проворно на улицу.

Тунгусы присмирѣли, губы затряслись; блѣдные, сидятъ и не знаютъ какъ быть.

А тотъ оретъ:

— Берешь, или не берешь!?. Берешь, или не берешь!?

И тонкими, чужими голосами отвѣчаетъ сначала старикъ, за нимъ молодой:

— Ну, ладно!.. можно брать... Давай, другъ, давай...

И сквозь слезы:

— Крестить не дѣлай... Рѣка тунгусъ боится... Вѣра такой... Борони Богъ, какъ... Пожалуста, не дѣлай...

Купецъ молчитъ, деньги прячетъ въ карманъ, кресты мѣдные надѣлъ имъ.

— А еще деньги есть?

— Помаленьку, боите ¹⁾, помаленьку есть...

— Сколько?!..

— Какъ знать... Помаленьку есть... Одинъ Богъ знаетъ...

Старикъ робко приподнялся и, незамѣтно тронувъ молодого, тихо, почти шепотомъ сказалъ купцу:

— Я только на часъ, боите... На ворота... Недолго приду, боите... Приду... Вѣрно...

А за нимъ молодой:

— Только на часъ, боите... Шибко брюхо схватилъ съ вина... Помаленьку...

И, выйдя на улицу, оба припустились къ тайгѣ, также перелѣзая огороды и заходя въ чужіе дворы.

IV.

Стали вьючить оленей, рассыпая въ „потокуи“ ²⁾, покупки: ящикъ извѣденныхъ мышами пряниковъ, зачѣмъ имъ пряники? Старые окаменѣлые баранки, зачѣмъ они? Муку, бисеръ, ленты, ситецъ, сколько-то сукна краснаго, сколько-то сукна желтаго, кусокъ сахара, и всякаго хлама, ненужнаго, бросоваго, безъ чего всегда обходился тунгусъ.

¹⁾ Обращеніе: парень, товарищъ, другъ, господинъ.

²⁾ Берестяныя, крытыя оленей кожей сумы.

А вот чаю мало дали, сахару мало дали, пороху мало дали... Это плохо... Свинцу совсѣмъ не дали. Это больно худо... Охъ, какъ худо... Чѣмъ бѣлку бить, чѣмъ сохатаго бить...

Бабы вьучать, брызгать, бранять мужиковъ, оленей пинають со злости, а мужики возлѣ огнища сидятъ, трубки курятъ и боятся глядѣть другъ другу въ глаза. Сидятъ и вздыхаютъ, крадучись.

— Отырканъ, тащи вина!.. — вдругъ крикнулъ старикъ женѣ.

— Самъ тащи... Много дали тебѣ вина... Гдѣ твои бѣлки, гдѣ твои лисицы. Ахъ, старикъ, старикъ... Дуракъ ты, худой дуракъ!..

Старикъ принимаетъ упрекъ, молча, потомъ говоритъ:

— Плуты! мошенники!.. Все тащить, ничего не давалъ,— и никнетъ головой.

Затѣмъ, повернувшись къ селу, кричить рѣзкимъ, со слезами, голосомъ:

— Я не къ тебѣ пришелъ, я праздникъ пришелъ, я Микола батюшкѣ пришелъ!! А ты, плутъ, обижалъ... Ну ладно...

Въ это время ударилъ колоколъ.

Воздухъ вздрогнулъ и тягучіе металлическіе звуки поплыли отъ села къ тайгѣ, летѣли дальше въ глубь лѣса, туда, гдѣ живутъ бѣлки, горнастаи, лисицы, гдѣ спятъ чуткимъ сномъ медвѣди, гдѣ Анна, маленькая дѣвочка, ждетъ своихъ съ подарками и радостными вѣстями. Спитъ, поди? Да, спитъ: время глухое.

Всѣ вмигъ затихли, мужики и бабы положили въ мѣшечки трубки, стояли молча, не шевелясь, и разиня рты, слушали благовѣсть.

Тихо снѣгъ падалъ, и брезжилъ разсвѣтъ.

— Пойдемте молиться-то?—робко сказала старая Отырканъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ старикъ спокойнымъ голосомъ.

— Вѣдь, поди, праздникъ...

— Нѣтъ, все равно нѣтъ... Мошенники!.. Убьютъ...

V.

Немного помедля, тронулись въ обратный путь.

Звенѣли мѣдные боталы у оленей, галопомъ скакали оленята, отыскивая своихъ матерей, и по тайгѣ носилось тунгусское понуканіе:

Мо-о-до!.. Мод-мод-модъ!..

Старикъ ѣхалъ сначала впереди, а Чумго сзади. Онъ хотѣлъ отвести съ Чумгой душу, поговорить съ нимъ, высказать свое горе. Разсчитывалъ сказать ему: „Боже, вотъ обобрали насъ, это плохо, боже... Ой, какъ плохо“.

Но когда увидалъ, подѣхавъ вплотную, широкую согнутую спину товарища и понуро опущенную голову, сказалъ совсѣмъ не то, что думалъ:

— Ты-бы, Чумго, пожалѣлъ учуга ¹⁾, ишь хромаетъ: слѣзь.

Хотѣлъ пересилить себя и сказать нужное, но не было у него теперь словъ: уста сомкнула обида, ныла грудь, и въ головѣ ходилъ зеленый угаръ.

А Чумго, не слыша его, ѣхалъ дальше, вздрагивая плечами и закрывъ лицо лохматой рукавицей.

Но вдругъ, вмѣстѣ съ гулкимъ благовѣстомъ кто-то стукнулся старику въ сердце, въ душѣ вспыхнула зарницей искра и ему неотразимо захотѣлось вернуться въ село, пойти въ церковь, упасть предъ „Николай-багюшкой“ на колѣни и рассказать громкимъ голосомъ все, какъ было, нажаловаться ему при народѣ, пусть слушаютъ—на всѣхъ плутовъ и мошенниковъ, на Петруньку съ Харлашкой, и на Большого голову, и на всѣхъ, кто всю жизнь дѣлалъ ему зло... „По какому праву... Эй, по какому праву!“

И сердцу сдѣлалось сразу такъ больно, что старикъ чуть не крикнулъ на весь Божій свѣтъ.

Но въ это время начался радостный трезвонъ во всѣ колокола. Тайга шумѣла вершинами, и звуки перезвона то были близко, рядомъ, ласково просились въ душу, то замирали въ шепотъ лѣса и казались далекими и чужими.

Опять всѣ, будто по уговору, остановились, опять стали прислушиваться къ переливчатымъ, весело порхающимъ по тайгѣ звукамъ и стали креститься трясущимися руками.

Постояли, вздохнули молча, и молча двинулись въ путь...

Старикъ ѣхалъ теперь сзади и, опустивъ низко голову, думалъ о томъ, что есть великій русскій Богъ, свѣтлый и милостивый. Но зачѣмъ Онъ такъ далеко живетъ. На солнцѣ, что-ли? Зачѣмъ Онъ даетъ обижать тунгусовъ? Развѣ не видно Ему сверху? Али жертвой не доволенъ остался?

¹⁾ Верховой (подъ сѣдломъ) олень.

Можно еще больше дать „прикладъ“. Возьми, только въ обиду не давай...

— Пожалуйста, возьми, русскій Богъ, пожалуйста, возьми... Двадцать дней шелъ, бабу тащилъ, ребятъ тащилъ, товарища тащилъ, оленей мучалъ... Пожалуйста, давай защиту...

Обида вдругъ всплыла наверхъ, и старикъ запкакалъ; лицо сморщилось, скривился ротъ, закапали слезы.

Взглянулъ на небо... Но тамъ звѣздъ не было.

Плакалъ долго, но никто объ этомъ не зналъ.

Вяч. Шиховъ.
